

Алексей Митрофанов *Бульварное кольцо — 2*

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Бульварное кольцо – 2.
Прогулки по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Бульварное кольцо – 2. Прогулки по старой Москве /
А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518387-3

Эта книга — исторический путеводитель по второй части Бульварного кольца,
от Большой Никитской улицы до площади Петровские ворота.

ISBN 978-5-00-518387-3

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Тверской бульвар	6
Тяжелая судьба еврейского театра	6
Ермоловский особнячок	10
Два таких разных брата	12
Пуколова и другие	14
Иоанн Богослов и студенты	16
Квартира Сумбатова-Южина и ее окружение	19
Очередной шехтелевский шедевр	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Бульварное кольцо – 2 Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2020

ISBN 978-5-0051-8387-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-7839-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прогулки по старой Москве

Бульварное кольцо. Часть II

Тверской бульвар

Тяжелая судьба еврейского театра

Жилой дом (Тверской бульвар, 7) построен в 1882 году по проекту архитектора В. Загорского.

Об истории Тверского бульвара – самого первого бульвара Москвы – мы подробно писали в книге «Тверская» серии «Прогулки по старой Москве». Поэтому начнем сразу с его отдельных достопримечательностей.

Первая из них – дом №7. Он был построен в 1882 году, но, фактически, его можно датировать более ранним временем. Часть этого дома составляют флигели голицынской усадьбы, главное здание которой до сих пор скрывается с глубине двора. Впрочем, при желании дату постройки можно сдвинуть в противоположном направлении – в 1893 году дом надстроили еще одним, четвертым этажом.

Этот дом вошел в историю. Здесь, на квартире у критика Кругликова – заведующего музыкальной частью в легендарной частной опере Саввы Мамонтова – бывали композитор Римский-Корсаков, певец Шаляпин, художники Врубель, Коровин. По соседству снимал скромную квартиру молодой еще Леонид Собинов.

А хозяином этого славного доходного дома был некто Романов. Он устраивал в свободных помещениях театральные репетиции, чем вызывал недовольство постояльцев, от богемы далеких. Они даже составили петицию: «Репетиции эти сами по себе, конечно, ничего дурного из себя не представляют, но если принять во внимание, что в дни таких репетиций от разносящегося по всем номерам крика, шума, смеха актеров-любителей не приходится в собственном помещении спать далеко за полночь, то такие репетиции, в особенности для лиц трудящихся, которым предстоит к 9 час. утра уже быть на службе, – являются истинным наказанием.

Да если прибавить к этому, что одной из жилищ названных меблированных комнат разрешается держать в номере трех кошек, к которым по ночам являются еще их гости, устраивающие свои кошачьи концерты иногда до утра, и что, несмотря на сетования квартирантов, администрацией номеров никаких мер к прекращению этих концертов не принимается, то вы поймете, какие мытарства испытывает по ночам усталый и желающий отдыха квартирант меблированных комнат г. Романова».

В 1905 году перед домом выросла грозная баррикада, а в квартире радикально настроенного зубного врача Данишевского был обустроен для революционеров перевязочный пункт.

«Вляпался» дом и в следующую революцию, 1917 года. Одна из обывательских квартир была захвачена смутьянами, которые установили пулемет в окне.

Что ж – место было беспокойное.

* * *

А по соседству с этим домом, в переулке – Театр на Малой Бронной, бывший ГОСЕТ – государственный еврейский театр. Его художественным руководителем был легендарный Соломон Михоэлс, сын даугавпилского хасида.

Путеводитель по Москве с гордостью сообщал его репертуар – «Стена плача» Л. Мизандронцева, «Король Лир» В. Шекспира, «Миллионер, дантист и бедняк» Э. Лабиша, «4 дня М. Даниэля, «Глухой» и «Мера строгости» Д. Бергельсона, «Колдунья» и «Суламифь» А. Гольдфадена и так далее. То есть, театр не ограничивал себя сугубо национальным репертуаром. Но, безусловно, он преобладал.

А посетивший Россию Фейхтвангер писал в своей книге «Москва 1937»: «Я видел в Московском государственном еврейском театре превосходную постановку „Короля Лир“, с крупным артистом Михоэлсом в главной роли и с замечательным шутом Зускиным – постановку блестяще инсценированную, с чудесными декорациями».

Театр пользовался популярностью и часто ездил на гастроли – Франция, Германия, Бельгия, Австрия, Нидерланды.

В основном все держалось на личности Соломона Михоэлса. Один из современников писал: «Михоэлс вообще... он замечателен. У него такие движения – механическая привычка мерить аршин, он как бы разговаривал, а в это время отмерял вот так, ладонью руки, сколько раз она помещалась в пространстве. Потом, когда он выиграл, и ему говорили: „Ну, ты же теперь барин. Ну так вот, надо же пыжиться“, – как он на себя шапку надевал, подушку надевал, как наполеоновскую шапку, и изображал из себя важного барина. Все это играючи, все это с шуткой такой легкой. И все это было по-своему необыкновенно изящно. Здорово! Спектакль всегда имел большущий успех, потому что все было весело, жизнерадостно и глубоко народно. Все выстроено на народных корнях».

Вскоре после начала Великой Отечественной войны театр эвакуировали в город Ташкент. Условия жизни там были довольно тяжелыми. Одна из актрис вспоминала: «Голодали, было плохо. Я все время мечтала о хлебе, особенно тяжело было беременной. Мой 6-летний сын ездил в центр города за супом».

Во время премьеры «Короля Лир» в ташкентской филармонии произошло пятибалльное землетрясение. Художник А. Тышлер писал в мемуарах: «С колосников на голову играющего Михоэлса и с потолка на зрителей сыпалась штукатурка. Началась паника. Михоэлс продолжал играть, как будто ничего не произошло. Своим огромным темпераментом он заставил публику слушать спектакль до конца. Казалось, что землетрясение пришло не извне, а из спектакля, из сцены бури, из печального крика и стона Михоэлса, обращенного в зрительный зал, как бы ищущего успокоения в народе, который напряженно, с волнением слушал Лира-Михоэлса. Во всем этом вечере было что-то библейское, поистине шекспировское».

Тем не менее, жизнь продолжалась. Одна из актрис вспоминала: «Репетиции у нас проходили очень интересно. Михоэлс был такой внимательный и такой необычный. Хотя он был уже немолодой, но мог из зала прыгнуть на сцену. А оттуда – в зал. Кое-что ему приходилось показывать актерам, потому что у нас были актеры, которые не имели представления о жизни Средней Азии VIII века. Соломон Михайлович из зрительного зала смотрел все сцены, наблюдал, кто как двигается. Следил за каждым, а мы все следили за ним, за его реакцией... Он был человеком эмоциональным, очень эрудированным и умным. Содержание пьесы, каждую роль он прекрасно знал. Каждый день он и Уйгур разрабатывали новые и новые сцены, мизансцены. Михоэлс предлагал свои решения тех или иных образов... Актеры, конечно, с большим интересом его слушали. С ним было очень интересно работать... Он вообще часто бывал в нашем театре. „Отелло“, „Гамлет“ и другие спектакли смотрел по несколько раз и делал замечания актерам. Мы у Михоэлса очень многому научились».

В сорок третьем театр благополучно вернулся в Москву. А в 1948-м его руководителя не стало.

Михоэлс был убит чекистами по личному приказу Сталина. При этом исполнители задания произвели инсценировку – якобы режиссера сбил грузовик. Вот показания одного из исполнителей, Лаврентия Цанавы: «Примерно в 10 часов вечера МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА завезли во двор дачи. Они немедленно с машины были сняты и раздавлены грузовой автомашиной. Примерно в 12 часов ночи, когда по городу Минску движение публики сокращается, трупы МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА были погружены на грузовую машину, отвезены и брошены на одной из глухих улиц города. Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию».

Театр, разумеется, закрыли.

* * *

Кстати, до революции здесь размещалось «Собрание служащих в кредитных учреждениях Москвы». Это «Собрание» сдавало помещение Московскому шахматному кружку, в котором 19 февраля 1910 года Александр Алехин дал первый в своей жизни сеанс одновременной игры. «Шахматное обозрение» писало: «Наш молодой маэстро впервые попробовал свои силы в подобного рода игре, и первый же опыт оказался блестящим. К сожалению, сеанс проходил в маленькой комнате, где с трудом удалось поместить 22 партии (желающих играть было больше)».

У здания весьма богатая культурная история.

* * *

Рядом, в доме №6 по Большой Бронной располагалась синагога. Она была частная, домовая, принадлежала известному предпринимателю Лазарю Полякову – действительному статскому советнику, председателю Московского еврейского хозяйственного правления и миллионеру. Она была закрыта для «чужих». Интересно, что в этой синагоге, находящейся в поляковском особняке, был предусмотрен подземный ход, который мог быть использован во время погромов.

Эта синагога действовала до 1938 года, после чего была закрыта. Здесь расположился Дом народного творчества и так называемый агитпункт – организация, которая через так называемых агитаторов пыталась обеспечить максимальную явку на выборы. Одна из этих агитаторш, некая Е. Веселовская писала в мемуарах: «В давно прошедшие времена преподаватели, студенты и сотрудники накануне выборов посещали население близлежащих домов в качестве агитаторов. Агитпункт обычно располагался как раз в этом доме рядом с булочной – невысоком, необычной архитектуры, с украшениями на фронте в виде треугольников и ромбов. В то время здесь был Дом народного творчества.

В предвыборные недели мы приходили сюда отмечать в списках избирателей, особо указывая больных, немощных, инвалидов.

Да что и говорить, тогда к выборам готовились тщательнейшим образом... Не дай Бог, кто-то из занесенных в списки не живет по своему адресу: агитатор до тех пор будет мучиться, пока не установит, где проголосует этот гражданин или гражданка.

Мы, агитаторы, наведываемся в квартиры избирателей постоянно: не только просим, чтобы они сходили «проветриться» на избирательный участок, то есть сверить свои паспорта со списком, но и выслушиваем их жалобы на плохую работу домоуправлений, на тесноту в коммунальных квартирах, другие просьбы... Полдня, а то и больше, бывало, пробегаешь в день выборов – от квартир избирателей (а квартир несколько, иногда в разных домах) на участок и обратно – торопить людей: все ли, мол, дома? когда придете голосовать? не заболел ли кто внезапно?»

В 1991 году здание передали хасидской общине, которая к 2005 году завершила реставрационные работы и воссоздала ее исторический облик).

* * *

Вообще же поляковские владения были масштабны. Известная московская меценатка Маргарита Морозова писала в своих мемуарах: «Когда мне минуло 8 или 9 лет, мы переехали на Тверской бульвар, в один из больших домов Полякова. Дома Полякова занимали целый квартал Тверского бульвара, а сад, тянувшийся позади этих домов, выходил на Бронную, Сад был огромный, как парк, в нем были тенистые аллеи и даже пруд. Около сада, на дворе была еврейская синагога. Словом, весь этот квартал со всеми домами, садом и синагогой составлял целый мир, замкнутый в себе, во главе которого стоял Лазарь Соломонович Поляков и его

семья. Поляков был страшно богатый человек и жил очень роскошно. За особые услуги он был награжден правительственными чинами и орденами, был действительным статским советником и дворянином. Но он всегда оставался правоверным евреем. Тогда еще не было создано «черты оседлости», поэтому в Москве можно было видеть еврейскую бедноту. На дворах домов Полякова ее было много. Л. С. был очень добрым и симпатичным человеком и делал всем евреям в Москве очень много добра.

Мы очень подружились на нашем дворе с дочерью одной из управляющих Полякова – Анетой. Анета была очень умная и развитая девочка, училась в казенной гимназии. Благодаря нашей дружбе с Анетой, мы постоянно забегали в маленький домик, где она жила; нас очень интересовало все, что происходило в их доме. Я помню, что мать ее носила на голове шелковый повойник, какие носили нянюшки в старину, и когда она его снимала, то голова ее оказывалась совсем голой, а те волосы с пробором, которые были видны из-под повойника, были париком.

Все лето мы проводили в саду с Анетой. Часто мы с ней забегали вечером в синагогу, забирались наверх, где сидели женщины, и слушали кантора, который нас потрясал своим пением, чудным голосом и трагизмом выражения».

Чем не уроки толерантности?

Впрочем, главной достопримечательностью для живущих во владениях Полякова, был сам бульвар. Морозова писала: «По утрам к нам приходила француженка, а позднее – немка, мы читали и ходили гулять на Тверской бульвар. Тогда по Тверскому бульвару ходило много студентов, так как на Бронной было студенческое общежитие, и кроме того, на Бронной они большей частью жили. Студентов можно было узнать по длинным волосам и накинутым на плечи пледом. Они носили фуражки и часто очки. Мы с любопытством на них смотрели.

Помню как на Тверском бульваре строился памятник Пушкину. Сначала все это место было скрыто наглухо сколоченными досками, потом явилась фигура, вся обернутая какой-то пеленой и обвязанная веревками. Помню, как толпа народа ее окружила в день открытия, музыка гремела, пели хоры, и я ясно помню, как вдруг пелена, которая окутывала фигуру, медленно упала, и глазам предстал тот памятник Пушкину, который мы все знаем и любим».

Впечатлений хватало.

Ермоловский особнячок

Жилой дом (Тверской бульвар, 11) построен в 1830-е годы.

Этот дом, неоднократно перестраиваемый с момента своего появления на свет, в 1889 году приобретает адвокат Шубинский, более известный как супруг актрисы Марии Ермоловой.

Дом жил жизнью насыщенной. Т. Л. Щепкина-Куперник вспоминала: «Вся московская молодежь, проезжая или проходя мимо этих розовых окон, смотрела на них с благоговением».

Сказывали, что в комнате самой актрисы некогда проходили заседания масонской ложи, которые активно посещал сам Пьер Безухов. И не беда, что никакого Пьера в действительности не было – для романтических москвичей это ни в коем разе не помеха.

Здесь бывало множество известных личностей, в первую очередь, из артистического мира – Т. Л. Щепкина-Куперник, А. И. Южин, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, Ф. И. Шаляпин и многие другие. Кстати, о первом появлении у Ермоловой Шаляпина писала Щепкина-Куперник: «Когда его первый раз привели к М. Н. Ермоловой, очень заинтересовавшейся молодым артистом после того, как видела его в Мефистофеле, и он вышел к ней, застенчивый, не зная, куда девать длинные руки, она даже воскликнула:

– Как... Это – Шаляпин? – так не похож был вошедший на сатанинский образ Мефистофеля, яркий и до жути проникнутый гетевской иронией, – Шаляпин давал Мефистофеля не Гуно, а Гете.

Шаляпин сконфузился и пробормотал:

– Да уж извините... какой есть».

В 1920 году Москва праздновала необычную дату. Один из обывателей писал о нем: «Вчера исключительно торжественно отпраздновали 50-летний юбилей артистической деятельности Марии Николаевны Ермоловой. В полдень от Большого театра на Тверской бульвар к квартире Ермоловой направилась огромная толпа артистов и почитателей ее таланта со знаменами и флагами. На одном было написано: „Светочу русской сцены“, на другом: „Великая, живи!“ (последний плакат напоминает что-то не то щедринское, не то чеховское.) Юбилярша вышла на балкон, кланялась процессии „и зарыдала“. (Тоже что-то старое, юмористическое, „поклонилась и зарыдала“.) Вечером был торжественный спектакль в Малом театре. Я слышал, что за места платили по несколько тысяч рублей».

Несмотря на некую пошлость, вообще присущую всем массовым мероприятиям, и совершенно понятную иронию автора, это действительно был всенародный праздник.

Этому зданию поэт Н. Заболоцкий посвятил стихотворение «Старая актриса»:

В позолоченной комнате стиля ампир,
Где шнурками затянуты кресла,
Театральной Москвы позабытый кумир
И владычица наша воскресла.

В затрапезе похожа она на щегла,
В три погибели скорчилось тело.
А ведь, Боже, какая актриса была
И какими умами владела!

Увы, неопишима трагедия актрисы, утратившей с годами свое женское очарование.

Увядание Ермоловой было трагическим. Владимир Гиляровский писал в книге «Люди театра»: «Моя последняя встреча с Марией Николаевной была в 1924 году, 12 января – считая по старому стилю. Это был Татьянин день, московский студенческий праздник. Я пришел на именины к Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник. Она жила в квартире М. Н. Ермоловой, в ее доме на Тверском бульваре. Квартира в третьем этаже, вход из-под ворот, по скверной «черной» лестнице. Попадаю на кухню, называю свою фамилию и спрашиваю именинницу. Старушка проводила меня закоулками в гостиную. Обстановка старинная. Чай – по-именинному, вокруг самовара, пироги домашние, корзинка с покупным пирожным, ваза с фруктами. За столом сидит Маргарита Николаевна, дочь Марии Николаевны. Именинница встречает меня. Только что я взял стакан с чаем, как входит та самая старушка, которая ввела меня, и говорит:

– Владимира Алексеевича просит Мария Николаевна к себе...

Через темную комнату, дверь с теплой гардиной, а за ней уютная комната Марии Николаевны. Она поднимается с кресла и тихо идет навстречу. Сильно постаревшая, осунувшаяся, какой я себе ее даже и представить не мог. Идет с трудом, на лице радость и вместе с тем ее вечная грустная улыбка. Глаза усталые и добрые, добрые. Я поцеловал ее горячую, сухую руку, она мне положила левую руку на шею, поцеловала в голову.

– Спасибо, Танечка, за то, что привела его, и за то, что ты именинница... А то бы я его так и не увидела... Ведь он у меня здесь в первый раз.

– Я бы обязательно зашел повидать вас и, кроме того, поблагодарить за милое письмо, что вы мне прислали на мой юбилей месяц назад.

– Я бы сама пришла, да больна была. Вот на этом кресле, где вы сидите, всегда Островский сидел, – сказала она, опускаясь в кресло. – Танечка, ведь мы с ним старые друзья... Еще в Воронеже в семьдесят девятом году играли. Все такой же. Как сейчас помню нашу первую встречу на репетиции – Владимир Алексеевич с пожара приехал, весь в саже, так дымом, дымом от него!

И помахала рукой перед лицом, будто от дыма отмахивается. Говорит медленно, с трудом, а все улыбается».

Это одно из немногих зданий, которое после революции было полностью закреплено за своими старыми владельцами – так высоко оценивался вклад Ермоловой в культуру нашей страны.

Сегодня здесь – музей Ермоловой.

Два таких разных брата

Усадьба Голохвастовых (Тверской бульвар, 13) построена в начале XIX века.

С ермоловским особняком соседствует дом №13. Он стоит покоем и выглядит довольно странно – кажется, что это надстроенное дореволюционное здание, только надстроено оно не сверху, а снизу. В результате интересные с архитектурной точки зрения этажи оказались вверху, а заурядные, ничем особенным не примечательные – внизу. Таковы превратности перестройки 1951 – 1952 годов.

Этот дом принадлежал сановнику Д. Голохвастову, близкому родственнику А. И. Герцена. Няня Александра Ивановича, Вера Артамоновна рассказывала, как этот дом горел в войну 1812 года: «Пошли мы, и господа и люди, все вместе, тут не было разбора; выходим на Тверской бульвар, а уж и деревья начинают гореть – добрались мы, наконец, до голохвастовского дома, а он так и пышет, огонь из всех окон. Павел Иванович остолбенел, глазам не верит. За домом, знаете, большой сад, мы туда, думаем, там останемся сохранны; сели, пригорюнившись, на скамеечках, вдруг откуда ни возмись ватага солдат, препьяных, один бросился с Павла Ивановича дорожный тулупчик скидывать; старик не дает, солдат выхватил тесак да по лицу его и хват, так у них до кончины шрам и остался; другие принялись за нас, один солдат вырвал вас у кормилицы, развернул пеленки, нет ли-де каких ассигнаций или брильянтов, видит, что ничего нет, так нарочно, азарник, изодрал пеленки, да и бросил».

Кстати, отец Александра Герцена не слишком нежно относился к Дмитрию Павловичу Голохвастову, собственному племяннику. Правда, чувства эти по возможности старался скрыть.

Получалось забавно. Говорил Герцену про Голохвастова: «Очень хорошо, что ты с ним выдаешься; таких людей надобно держаться. Я его люблю и привык любить, да он всего этого и заслуживает. Конечно, есть и у него свои, и пресмешные, недостатки... но один бог без греха. Скорая карьера вскружила ему голову... ну, молод в аннинской ленте; к тому же род его службы такой: ездит куратором учеников бранить да все с школярами привык говорить свысока... поучает их, те слушают его навывтяжке... он и думает, что со всеми можно говорить тем же тоном. Не знаю, заметил ли ты – даже голос у него переменялся? Я помню, при покойной императрице князь Прозоровский таким же резким голосом приказывал своим ординарцам».

Брат же Дмитрия Павловича был его полной противоположностью. Герцен писал: «Так, как его старший брат не мог ни на минуту обдосужиться весь свой век и постоянно что-нибудь делал, так Николай Павлович всю жизнь решительно ничего не делал. В юности он не учился; лет двадцати трех он уже был женат, и это презабавным образом. Он увез сам себя. Влюбившись в бедную и незнатную девушку, чрезвычайно милую грезовскую головку или севрскую изящнейшую куколку, он просил позволения жениться на ней, и этому я всего меньше дивлюсь. Мать, исполненная аристократических предрассудков и воображавшая, что за своих сыновей меньше взять нельзя, как Румянцеву или Орлову, и то с целым народонаселением какой-нибудь Воронежской или Рязанской губернии, разумеется, не согласилась. Но, как брат его ни уговаривал, как дяди и тетки ни усовещивали, светленькие глазки молодой девушки взяли свое; наш Вертер, видя, что ничем не сломит волю своих родных, спустил ночью в окно шкатулку, несколько белья, камердинера Александра, потом спустился сам, оставив свою дверь запертой изнутри. Когда к обеду следующего дня открыли дверь, он был уже обвенчан. Его мать так огорчилась тайным браком, что слегла в постель и умерла, принеся свою жизнь в жертву на алтарь этикета и приличий».

У них в доме жила вдова коменданта Орской крепости во времена чумы и Пугачева, старушка-офицерша, глухая, с небольшими усами и ворчунья. Часто рассказывала она мне потом

о потрясающем событии побега и всякий раз прибавляла: «Я, батюшка, с малых лет видела, что в Николае-то Павловиче проку никакого не будет и никакого утешения Елизавете Алексеевне. Ему, извольте видеть, было лет двенадцать, – век не забуду, – прибежал ко мне, хохочет до слез, говорит: „Надежда Ивановна, Надежда Ивановна, поскорее к окну: посмотрите, что с нашей коровой сделалось!“ Я к окну – да так и ахнула. Ну, представь, батюшка: ей собаки, что ли, хвост оторвали, только она, моя голубушка, так-таки без хвоста и есть... Корова была тирольская... не вытерпела я, так это, я говорю, ты смеешься над маменькиной коровой да над своим добром, ну, какой же в тебе будет путь! Так я уж и махнула рукой с той самой поры».

Пророчество, так странно вышедшее из коровьего хвоста, которого не было на своем месте, начало сбываться быстро. Братья разделились, и меньшой пошел кутить».

* * *

Рядом – наоборот, весьма удачный вариант московской реконструкции. Два двухэтажных домика под №15 вовсе не так стары, как может показаться. Они были сооружены в 1970-е на месте примерно таких же, но дореволюционных. Вышло весьма убедительно.

Пуколова и другие

Жилой дом (Тверской бульвар, 17) строился с XIX по XX столетия.

Невозможно сказать точно, когда именно построен этот дом. Его регулярно переделывали, перекраивали и надстраивали. То же касается его владельца. Они менялись с удивительной частотой.

Некогда это владение принадлежало богатому майору, господину Осташевскому. Жил он в глубине двора, в уютном двухэтажном домике. На бульвар же выходил – даже не верится! – обширный сад, в котором был устроен пруд. Осташевский развлекал бомонд Первопрестольной катанием на лодках, фейерверками и прочими простыми, но эффектными аттракционами.

Однажды в этот сад забрел – еще ребенком – Лев Толстой. Он прогуливался с братьями и их общей подружкой, маленькой девочкой Юзенькой, и случайно оказался в саду у господина Осташевского. Сад произвел впечатление. Биограф писателя П. Бирюков утверждал: «Сад показался им невероятной красоты. Там были пруд с лодками, флагами, цветы, мостики, дорожки, беседки и т. д.; они шли, как очарованные».

Хозяин, кстати, лично их катал на лодке – таковы были нравы тогдашней Москвы. Впрочем, когда те же братья явились сюда через несколько дней, но без Юзеньки, их в сад не пустили. Биограф писал: «Они удалились с грустью и зародившихся в их душах недоумением, почему хорошенькое личико их подруги может иметь такое сильное влияние на отношение к ним посторонних людей».

Лев Николаевич сызмальства тяготел к поискам истины.

Этот сад описывал М. Н. Загоскин: «Не знаю, существует ли еще в Петербурге знаменитый сад г-на Ганина; если уж он опустел и зарос, если его дощатая башня-древлянка развалилась и деревянный Вольтер перестал кланяться всем гуляющим, то я могу сказать его поклонникам: утешьтесь, тип этих садов не вовсе погиб: у нас в Москве есть также сад, который едва ли еще не затейливее сада г-на Ганина. Он невелик, это правда, но сколько в нем необычайных и особенного рода красот! Какое дивное смешение истины с обманом! Вы идете по крытой аллее, в конце ее стоит огромный солдат во всей форме. Не бойтесь – он алебастровый. Вот на небольшой лужайке посреди оранжерейных цветов лежит корова... Какая неосторожность!.. Успокойтесь, – она глиняная. Вот китайский домик, греческий храм, готическая башня, крестьянская изба, вот гуси и павлины, вот живая горная коза, вот деревянный русский баран, вот пруд, мостики, плоты, шлюпки и даже военный корабль! Одним словом, вы на каждом шагу встречаете что-нибудь неожиданное и новое, и все это, если не ошибаюсь, на одной десятине земли. Этот сад можно также причислить к разряду публичных садов, потому что он благодаря радушному хозяину открыт для всех, желающих полюбоваться его затейливым разнообразием!»

Писемский же упоминал сад Осташевского в романе под названием «Тысяча душ»: «Сад Годневых, купленный вместе с домом у бывшего когда-то предводителем богатого холостяка и большого садовода, отличался некогда большими запотроями... Выход в сад был прямо из гостиной с небольшого балкончика, от которого прямо начиналась густо разросшаяся липовая аллея расходившаяся в широкую площадку, где посредине стояла полуразвалившаяся китайская беседка. От этой беседки, в различных расстояниях, возвышались деревянные статуи олимпийских богов, какие, может быть, читателям случалось видеть в некогда существовавшем саду Осташевского, который служил прототипом для многих помещичьих садов. Из числа этих олимпийских богов осталась Минерва без правой руки, Венера с отколотою половиной головы и ноги какого-то бога, а от прочих уцелели одни только пьедесталы. Все эти

остатки богов и богинь были выкрашены яркими красками. Место это Петр Михайлыч называл разрушенным Олимпом».

В 1864 году усадьба меняет владельца. Она отходит к некоей госпоже Пукаловой, одной из героинь мемуаров Ф. Вигеля. Филипп Филиппович писал: «Весьма важную роль также играл в это время один частный человек, отставной статский советник Иван Антонович Пукалов. Он женился на побочной дочери какого-то богатого боярина, которому для нее был нужен чин, чтобы законным образом оставить ей свое наследство. Пукалов был слишком благоразумен, чтобы ревновать жену моложе его тридцатью годами. Он пользовался ее именем; она пользовалась совершенной свободой. Я знал ее лично, эту всем известную Варвару Петровну, полненькую, кругленькую, беленькую бесстыдницу».

Именно при Пукаловой появился на бульваре трехэтажный дом с огромным количеством «архитектурных излишеств». Поговаривали, что это якобы была точная копия ее французского особняка. Но точных подтверждений этому факту, увы, не нашлось.

Впрочем, госпожа Пукалова на Тверском бульваре не жила. Она предпочитала сдавать помещения. Здесь, в частности, собирался «Артистический кружок», в котором состояли Александр Островский, Петр Ильич Чайковский, Рубинштейн-младший, Писемский, Садовский и прочие звезды тогдашней московской богемы.

Островский возлагал на тот кружок особые надежды. Он писал: «В учрежденном Артистическом кружке артист ставится в новое положение: здесь он постоянно может пользоваться радушной и назидательной беседой и дельными указаниями специалистов, здесь он постоянно в хорошем обществе и вследствие того приучается к порядочности в одежде и манерах, здесь, в виду почетных семейств и под надзором уважаемых личностей, для него невозможны излишества, – здесь же он сводит хорошие знакомства и получает доступ в семейные дома людей образованных. Музыканты, чтобы исполнять серьезные произведения в стенах Артистического кружка, обязаны предварительно готовиться и репетировать и тем приучаются к строгости и отчетливости в исполнении. Артисты театральные получают здесь возможность наблюдать манеры хорошего общества и вносить на сцену ту порядочность, которой ей недостает. Кроме того, Артистический кружок предлагает артистам свою библиотеку, составленную из книг и журналов русских и иностранных и приносившую к развитию артиста».

Нечто подобное там, как ни странно, наблюдалось. В частности, А. И. Свиньин писал: «За те ничтожные двенадцать рублей, которые вносились членом кружка в течение года, сколько пищи для ума и сердца получал каждый! Бывало, сядешь за общий чайный стол между таким и колоссами, как Писемский, Островский и другие, и слушаешь, слушаешь без конца их увлекательную речь, которая, что твоя музыка... Остроумию и каламбурам не было конца. По этой части наиболее других отличались Писемский и профессор Усов, оба страстные театралы и блестящие остряки».

Здесь же состоялась своего рода презентация – первый публичный показ – картины Флавицкого «Княжна Тараканова». После чего картину приобрел сам Третьяков.

А в соседнем доме (№19) в 1890-е годы жил знаменитый хирург Склифасовский.

Иоанн Богослов и студенты

Церковь Иоанна Богослова в Бронной слободе (Богословский переулок, 4) построена в 1665 году.

От внешней стороны бульвара начинается короткий Богословский переулок. В нем, по сути, уместилась только одна церковь – Иоанна Богослова. Этот храм в сознании москвичей был связан с публикой довольно неожиданной – со студенчеством, среди которых были в большой моде нигилисты. Дело в том, что в окрестных кварталах любила селиться университетская и консерваторская молодежь (квартиры в непосредственной близости от этих учебных заведений были сравнительно дороги. Таким образом храм сделался своего рода символом студенческой вольности. Ему даже песню посвятили:

Есть в столице Москве
Один шумный квартал —
Он Козихой Большой прозывается.
От зари до зари
Лишь зажгут фонари
Вереницей студенты шатаются.
Они пьют и поют,
Разговоры ведут,
И еще кое-чем занимаются.
А Иван Богослов
На них глядя без слов
С колокольни своей улыбается.

Увы, после революции этот храм постигла общая участь. Надежда Мандельштам писала: «Где-то в Богословском переулке – недалеко от нашего дома – стояла церквушка. Мне помнится, что именно там мы заметили кучку народа, остановились и узнали, что идет „изъятие“. Происходило оно совершенно открыто – не знаю, всюду ли это делалось так откровенно. Мы вошли в церковь, и нас никто не остановил. Священник, пожилой, встрепанный, весь дрожал, и по лицу у него катились крупные слезы, когда сдирали ризы и грохали иконы прямо на пол. Проводившие изъятие вели шумную антирелигиозную пропаганду под плач старух и улюлюканье толпы, развлекающейся невиданным зрелищем. Церковь, как известно, надстройка, и она уничтожалась с прежним базисом».

Затем церковь закрыли. А под конец тысячелетия открыли вновь.

* * *

Отдельная тема – атмосфера Козихи – студенческого района, названного так в честь Козихинских переулков. Как уже упоминалось, селилось здесь студенчество не из богатых. Комната часто снималась на четыре человека, при этом на всю такую «коммуну» имелось только два костюма и две пары обуви. На занятия ходили по очереди. Вместо чая, а, тем более, кофе, заваривали дешевенький цикорий. Тем не менее, студенческая гордость не позволяла самостоятельно убираться в номере и стирать белье – для этого существовали приходящие горничная и прачка.

Бытописатель П. Иванов примечал: «Узкие, преузкие улицы... Небольшие колониальные лавочки с нематыми окнами. Отталкивающего вида ворота. Безобразные дворы – антисанитарные до последней возможности. И всюду вонь, смрадная вонь подвалов, отхожих мест

и помойных ям. В воздухе словно носятся ядовитые испарения... Население почти сплошь состоит из пролетариата – людей без определенных занятий, мелких канцелярских служащих, вдов и женщин разного типа. Весь состав богемы Тверского бульвара имеет убежище в этих местах. Здесь обитает пьяное веселье рука об руку с вечной нуждой».

Тут-то и селилось бедное московское студенчество.

Чем только оно ни подрабатывало. В частности, в одной из московских газет было опубликовано неожиданное объявление: «Студент 3-го семестра утешает вдов и разводит сирот. Согласен за стол и квартиру. Б. Бронная, д. Чебышева, студенту Андрееву».

Впрочем, московский жулик даже здесь иной раз находил, чем поживиться. «Московский листок» сообщал в 1896 году: «1 октября по Малой Бронной улице какой-то оборванец тащил две кастрюли с горячим супом; оборванца задержал городской и отправил в участок, где неизвестный назвался крестьянином Пономаревым, не имеющим пристанища; кастрюли с супом он похитил из коридора кухни в доме Чебышевой».

Дом Чебышева (он же Чебыши, он же Чебышевская крепость) считался одним из самых популярных студенческих пристанищ. С ним конкурировали разве что корпуса Гирша, стоявшие в начале Малой Бронной. Они были столь же нарицательны, и М. Осоргин писал в романе «Сивцев Вражек»: «На углу Малой Бронной студент покупал моченые яблоки и шел домой в Гирши, локтем прижимая распавшиеся листы Римского права».

Он же описывал типичную для здешнего студенчества картину быта: «Вернулся домой, в Гирши. На столе груда книг и немытая чашка. В остатках жидкого чая – несколько мух и немытый желтый окурочок. Завтра нужно отдать прачке белье. И вообще нужно куда-нибудь на лето уехать».

Не удивительно – такой быт угнетал.

Чехов писал про студента, главного героя своего рассказа под названием «Припадок»: «Васильев жил в одном из переулков, выходящих на Тверской бульвар».

Складывалось впечатление, что все окрестные кварталы заселялись именно студенчеством. Что, разумеется, отражалось на жизни бульвара. В частности, в 1902 году газета «Московский листок» опубликовала короткую заметку под названием «Задержанный безобразник»: «11 июня кр. С-в, находясь в нетрезвом состоянии, явился на Тверской бульвар, где стал валяться на траве, а затем быстро разделся. Безобразника отправили в участок».

Наверняка «крестьянин С-в был из студенчества».

В этих же кварталах находилась и дешевая студенческая столовая (для тех, у кого вдруг появлялись какие-то деньги). Не удивительно, что это место использовали для всякого рода агитаций. До революции – антимонархических и антибуржуазных, а после революции – наоборот, промонархических и прорелигиозных. Один из православных активистов, некто Марциновский писал в своих воспоминаниях: «Весной 1920 г. мной был прочитан цикл лекций по вопросам этики и религии в Студенческой столовой на Малой Бронной улице. Одна из них была на тему: «Наука и религия».

Перед началом этой лекции подошла ко мне знакомая дама и тихо сказала: «Имейте в виду, что здесь находится тот самый чекист, который засадил в тюрьму профессора Кузнецова»...

Приблизительно в 3-м ряду сидел человек с гладко выбритым полным лицом и, ухмыляясь, что-то записывал.

Когда я окончил, он попросил слова.

В своей речи он говорил, что вся эта «проповедь носит буржуазный характер, и работа эта ведется на средства буржуев»... Говорил и еще что-то, переходя уже прямо на мою личность и насмехаясь надо мной.

Публика стала возмущаться, требуя, чтобы оппонент говорил на тему; потом стала посмеиваться над ним.

Я встал и предложил присутствующим выслушать говорившего терпеливо, после чего я буду иметь возможность ответить.

«Передние ряды недовольны мной», – насмешливо-спокойно сказал мой оппонент и продолжал ту же язвительную речь. Поднимается шум: «Довольно! Не хотим слушать»...

Ему пришлось кое-как закончить и уйти.

Получилось впечатление, как будто оппонент не имел свободы слова. Как я ни старался отстоять его, все же он ушел, и, конечно, с недобрым чувством.

Через некоторое время мои лекции в Студенческой столовой были прекращены, так как против них восстала так называемая местная «коммунистическая тройка».

Подобные события в то время проходили по всей стране.

Квартира Сумбатова-Южина и ее окружение

Доходный дом (Большой Палашевский переулок, 5/1) построен в 1882 году.

Богословский переулок упирается в Большой Палашевский. При советской власти он носил название Южинского, в честь актера Сумбатова-Южина. Проживал этот актер в доме №5/1.

Актриса А. А. Яблочкина вспоминала: «Год за годом, сезон за сезоном, от одной постановки до другой шла жизнь Малого театра; молодое зрело, старики один за другим уходили на покой. Александр Иванович приобретал в жизни театра все большее и большее значение: он был прекрасным организатором, защитником прав актера. По своему положению, недюжинному уму и способностям он мог бы сделать в любой области блестящую карьеру, но он ничем так не гордился, как званием актера, и не было у нас более верного друга, чем Александр Иванович.

Во всех своих выступлениях, во всех статьях Южин всегда горячо доказывал, что первое место в театре должно принадлежать актеру. Малый театр был за ним как за каменной стеной. Что бы ни случилось, в какое бы тяжелое положение мы ни попадали, мы знали, что поможет Южин, его ум, такт, умение обходиться с людьми, знание театра и вера в его назначение. С Южиным мы обходили все мели и рифы, он выводил нас на широкое русло. Актеры других театров говорили: «Хорошо вам – у вас есть Южин».

Южин понимал значение и роль русского искусства, понимал необходимость связи театра с общественной жизнью страны, его назначение быть полезным и нужным народу».

Южин был назначен управляющим труппой Малого театра в 1909 году.

* * *

Здесь же находится и Малый Палашевский переулок. Самый интересный в нем – дом №6. Правда, сам он ничего особенного из себя не представляет. Но на этом месте некогда стояло здание, в котором провел часть своего детства Аполлон Григорьев. Он писал: «Помню так живо, как будто бы это было теперь, что в пять лет у меня была уже Аркадия, по которой я тосковал, потерянная Аркадия, перед которой как-то печально и серб – именно серб казалось мне настоящее. Этой Аркадией была для меня жизнь у Тверских ворот, в доме Козина. Почему эта жизнь представлялась мне залитою каким-то светом, почему даже и в лета молодости я с сердечным трепетом проходил всегда мимо этого дома Козина у Тверских ворот, давно уже переименованного в честь своего хозяина, и почему нередко под предлогом искания квартиры заходил на этот двор, стараясь припомнить уголки, где игрывал я в младенчестве; почему, говоря, преследовала меня эта Аркадия, – дело весьма сложное. С одной стороны, тут есть общая примета моей эпохи, с другой, коли хотите, – дело физиологическое, родовое, семейное».

Аполлон Григорьев был романтиком.

Затем этот участок перешел к семейству журналиста М. Каткова, и его сын снес дом Григорьева, выстроив вместо него Тверские бани. Актриса Лидия Смирнова вспоминала, как парилась здесь с другой актрисой, Ольгой Жизневой: «Она грациозно раздевалась, у нее была крупная фигура, необыкновенно женственная. Величественно и в то же время просто говорила банщикам:

– Ну, кто меня будет мыть?

Она и в этом была красива, что-то царственное проглядывало в ней».

Здесь же располагалась прачечная самообслуживания, описанная в рассказе Петра Паламарчука «Золотая решетка»: «Внутри новой приемной... стояла очередь, не большая, но крайне медленно продвигавшаяся из-за совершенно болезненной заторможенности движе-

ний громадного выдавальщика с русой бородою лопатой, имевшего столь обильное сложение, что всякое резкое перемещение было ему просто-напросто противопоказано. Тартаковский не стал делать никаких замечаний, попытавшись смириться с судьбою и тем ее как-либо умиловить – да не тут-то было. Лишь только поспел ему срок подавать накладную, с десного края от детины засвистал телефон, тот поднял трубку, глаза у остолопа плотоядно загорелись, и он нудным басом пустился в подробнейшее обсуждение с невидимым приятелем – которого невольно изображал своими телодвижениями при выслушивании ответов – предстоящей в ближайшие выходные рыбалки.

Тартаковский наконец не выдержал и сказал:

– Послушайте, милейший, прекратите трепаться! Вы ведь как будто на работе сидите, а не в своей избе?

– Оба, – возразил тот совсем иным, тихим и тонким голосом, прикрывши на мгновение микрофон пухлой ладонью, а затем преспокойно продолжил возмутительно частную беседу.

– Что вы хотели выразить своим «оба»? – недоуменно переспросил Вячеслав Захарович и услышал тогда следующую дерзость:

– Оба мы на работе, только я на своем месте говорю, а вы небось и вовсе прогуливаете...»

Таковы были нравы эпохи.

* * *

Совсем рядом, в Сытинском переулке – совершенно неожиданный для здешних мест одноэтажный деревянный дом №5. Это – чудом сохранившийся памятник допожарной Москвы, так называемый дом бригадира Андрея Сытина (в честь которого и назван переулок, а не в честь книгоиздателя Ивана Сытина, хотя его дом находился на противоположной стороне Тверской улице, ровно напротив). Трудно поверить в существование здесь этого домика, еще труднее верить в то, что в нем на протяжении долгого времени располагалась фабрика некого Емельяна Мещаникова. Правда, производство было не особенно масштабным – здесь всего-навсего изготавливали духовые музыкальные инструменты.

Полководец Александр Суворов отдавал распоряжения: «Матвейч! За письмо твое от 25 августа спасибо. Валторн моим музыкантам купи, а какой именно, спросись с добрыми людьми. Васютку Ерофеева старайся поскорее сюда прислать. В нем там дела нет, а здесь фиолбас. Купи еще полдюжины скрипок с принадлежностями для здешних ребятишек. Прочих моих правил не упускай. Из Москов. Почтамта газеты и французские обыкновенные книжки энциклопедии Дебульон он те же мне выписать и на будущий год».

Имелась в виду именно эта производственно-торговая точка.

* * *

Рядом, в Сытинском же, только тупике располагался Палашевский рынок. Фридрих Горенштейн описывал его в романе под названием «Чок-чок»: «Каролина со своими спутниками зашла на маленький рыночек, расположенный у Бронной. В прохладном гулком пустом павильоне пахло сушеными грибами и соленьями. Сережа, спешивший следом, вначале вновь потерял их из виду, но потом увидел в дальнем конце, где Каролина, курчавый и атлет ели моченные яблоки, купленные у торговавшей ими толстой бабы. Сережа смотрел на всю эту чужую, радостно аппетитную жизнь издали; в полупустом павильоне его легко можно было заметить».

Даже не верится, что некогда, сравнительно недавно – в восьмидесятые годы двадцатого века – в самом центре Москвы находились рынки шаговой доступности, и при этом даже не были забиты покупателями.

В девяностые рынок закрылся, затем вновь заработал – уже в качестве специализированного, рыбного. Сейчас, конечно, он не существует.

* * *

Севернее – дом №12 по Малому Козихинскому переулку. В нем жил адвокат Владимир Коморский, приятель писателя Михаила Булгакова. Впрочем, их приятельство по большей части к тому, что Михаил Афанасьевич ухаживал за очаровательной Зиной, женой Владимира Евгеньевича.

Зина вошла в литературу. Булгаков писал в очерке «Москва 20-х годов»: «Не угодно ли, например. Ведь Зина чудно устроилась. Каким-то образом в гуще Москвы не квартирка, а бонбоньерка в три комнаты. Ванна, телефончик, муж, Манюшка готовит котлеты на газовой плите, и у Манюшки еще отдельная комнатка. С ножом к горлу приставал я к Зине, требуя объяснений, каким образом могли уцелеть эти комнаты?

Ведь это же сверхъестественно!!

Четыре комнаты – три человека. И никого посторонних.

И Зина рассказала, что однажды на грузовике приехал какой-то и привез бумажку «вытряхайтесь»!!

А она взяла и... не вытряхнулась.

Ах, Зина, Зина! Не будь ты уже замужем, я бы женился на тебе. Женился бы, как бог свят, и женился бы за телефончик и за винты газовой плиты, и никакими силами меня не выдрали бы из квартиры.

Зина, ты орел, а не женщина!

Эпоха грузовиков кончилась, как кончается все на этом свете. Сиди, Зинуша».

Квартира Коморского была выведена в «Театральном романе» – как квартира адвоката Конкина: «Я оглянулся – новый мир впускал меня к себе, и этот мир мне понравился. Квартира была громадная, стол был накрыт на двадцать пять примерно кувертов; хрусталь играл огнями; даже в черной икре сверкали искры; зеленые свежие огурцы порождали глуповато-веселые мысли о каких-то пикниках, почему-то о славе и прочем».

Речь шла не об обычной вечеринке. Михаил Афанасьевич описывал встречу «в узком кругу» маститого писателя Алексея Толстого, вернувшегося из Берлина. Алексей Николаевич здесь фигурирует как Измаил Александрович Бондаревский: «Тут поздравления Ликоспастова были прерваны громкими звонками с парадного, и исполнявший обязанности хозяина критик Конкин (дело происходило в его квартире) вскричал:

– Он!

И верно: это оказался Измаил Александрович. В передней послышался звучный голос, потом звуки лобызаний, и в столовую вошел маленького роста гражданин в целлулоидовом воротнике, в куртке. Человек был сконфужен, тих, вежлив и в руках держал, почему-то не оставив ее в передней, фуражку с бархатным околышем и пыльным круглым следом от гражданской кокарды.

«Позвольте, тут какая-то путаница...» – подумал я, до того не вязался вид вошедшего человека с здоровым хохотом и словом «расстегай», которое донеслось из передней.

Путаница, оказалось, и была. Следом за вошедшим, нежно обнимая за талию, Конкин вовлек в столовую высокого и плотного красавца со светлой вьющейся и холеной бородой, в расчесанных кудрях.

Присутствовавший здесь беллетрист Фиалков, о котором мне Рудольфи шепнул, что он шибко идет в гору, был одет прекрасно (вообще все были одеты хорошо), но костюм Фиалкова и сравнивать нельзя было с одеждой Измаила Александровича. Добротнейшей материи и сшитый первоклассным парижским портным коричневый костюм облекал стройную, но несколько полноватую фигуру Измаила Александровича. Белье крахмальное, лакированные туфли, аметистовые запонки. Чист, бел, свеж, весел, прост был Измаил Александрович. Зубы его сверкнули, и он крикнул, окинув взором пиршественный стол:

– Га! Черти!

И тут порхнул и смешок и аплодисмент и послышались поцелуи. Кой с кем Измаил Александрович здоровался за руку, кой с кем целовался накрест, перед кой-кем шутливо отворачивался, закрывая лицо белой ладонью, как будто слеп от солнца, и при этом фыркал.

Меня, вероятно принимая за кого-то другого, расцеловал трижды, причем от Измаила Александровича запахло коньяком, одеколоном и сигарой.

– Баклажанов! – вскричал Измаил Александрович, указывая на первого вошедшего. – Рекомендую. Баклажанов, друг мой.

Баклажанов улыбнулся мученической улыбкой и, от смущения в чужом, большом обществе, надел свою фуражку на шоколадную статую девицы, державшей в руках электрическую лампочку.

– Я его с собой притащил! – продолжал Измаил Александрович. – Нечего ему дома сидеть. Рекомендую – чудный малый и величайший эрудит. И, вспомните мое слово, всех нас он за пояс заткнет не позже чем через год! Зачем же ты, черт, на нее фуражку надел? Баклажанов?

Баклажанов сторел со стыда и ткнулся было здороваться, но у него ничего не вышло, потому что вскипел водоворот усаживаний, и уж между размещающимися потекла вспухшая лакированная кулебяка.

Пир пошел как-то сразу дружно, весело, бодро».

Все это, впрочем, не мешало Коморским и Булгаковым классически дружить домами. Адвокат вспоминал об одном званном ужине, устроенном у Коморских: «Зинаида Васильевна была больна, лежала в своей комнате. Хозяйничала Татьяна Николаевна (тогдашняя жена Михаила Булгакова – АМ.); она была в белом платье. Стол был накрыт в маленькой столовой, а в гостиной танцевали. Плохо помню, кто был. Конечно, был Слезкин, Булгаков, было много писателей».

А еще Булгаков воровал у адвоката книги.

* * *

Совсем рядом – Мамоновский переулок, некоторое время носивший название переулка Садовских, в честь знаменитой актерской династии. Некогда в домовладении №1 стоял маленький домик, в котором жили Михаил Прович Садовский и его супруга Ольга Осиповна. Актриса Малого театра Н. Смирнова вспоминала: «Увы, этот домик уже не существует. Особнячок был типичный московский – одноэтажный на улицу, куда выходили зала и кабинет, и двухэтажный – во двор. Сколько веселья, смеха, сколько разговоров о будущем служении театру и светлых мечтаний слышали стены этих комнат! Там поверяли мы – молодежь – друг другу наши желания и переживания. И теперь еще, когда я прохожу мимо пустыря, где стоял домик, у меня по-молодому бьется сердце и проносится рой воспоминаний, связанных с семьей Садовских».

Она же описывала одну из характернейших сценок: «Визиты более солидных гостей были редки, и они не всегда обходились благополучно. Как-то Садовского посетил личный адъютант царя: к ужасу хозяина, генерал оступился на тесной маленькой лестнице, и слуга Садовского, падая вместе с ним, кричал на весь дом: „Ваше превосходительство, извольте падать на меня!“»

Домик снесли давно – в 1920-е годы. Перед сносом, когда дом стоял заброшенный и жалкий, сюда заглянул с большой корзиной Алексей Бахрушин, основатель и директор Театрального музея. Улов был приличный – письма и переводы хозяина, автографы Островского, Писемского, Аполлона Григорьева и других знаменитостей мира искусств. Пришлось возвращаться – за один раз все было не утащить. Собрание театрального музея значительно пополнилось.

* * *

В том же Мамоновском переулке представляет интерес дом №7. Это – глазная больница. Она расположилась в этом здании в 1826 году. Устав предписывал «безденежно подавать помощь бедным людям, страждущим глазными болезнями, и снабжать их, без всякой платы, потребными лекарствами. Некоторые из таковых, болезнь которых требует особенного призора и пользования, могут быть содержимы в самом заведении, пользуются от одного безденежно лечением, квартирою, пищею и приличною для больного одеждою и услугою».

Нельзя сказать, что биография больницы была гладкой. В частности, в 1891 году «Московский листок» сообщал: «17 апреля... во дворе дома Глазной больницы на Тверской улице обрушилась каменная стена и придавила подошедшего к ней в это время дворника того дома, крестьянина Московского уезда, деревни Шадоровой, Петра Голышова, который получил надлом берцовой кости правой ноги; его отвезли в Ново-Екатерининскую больницу».

Поучаствовала та лечебница и в революции 1905 года. Один из ее участников, некто З. Семов вспоминал: «Во время оружейного обстрела пуля, ударившись в решетку, разорвалась, и осколки попали мне в правую щеку. Дружинники подхватили меня и отнесли в медпункт училища.

Когда меня вносили в здание училища, раздался первый оружейный выстрел, выпущенный карателями по уличным баррикадам. У меня были разбиты височная и челюстная кости и разжижен глаз. 14 декабря утром я был перенесен товарищами в глазную больницу (рядом с церковью Благовещения), где 17 декабря доктор Н. Н. Дислер... удалил мне правый глаз.

Полиция распорядилась, чтобы врачи сообщали в полицию о поступлении в больницу больных с ранениями, но по просьбе студентов-медиков Н. Н. Дислер это распоряжение не выполнил...

Поздно вечером 21 декабря ко мне в больницу пришел дружинник Л. Лукьянов и сообщил, что училище окружено войсками... Лукьянов предложил мне немедленно уйти из больницы, так как при обыске в моем шкафике несомненно найдут мою окровавленную одежду, патроны, неисправный «бульдог» и офицерскую шашку.

Выйти из больницы было невозможно: не было одежды, да и поднимать скандал со строем было весьма опасно. Ночь я провел без сна, с минуты на минуту ожидая ареста... 17 декабря из окна глазной больницы я видел, как полыхало зарево над районом Пресни, и мне до слез было больно, что лишен возможности принять участие в смертельной схватке пресненских дружин с царскими сатрапами».

Такие вот случались беспокойные пациенты.

Вскоре жизнь наладилась (но, как нам известно, ненадолго). Справочник «Вся Москва» писал: «Московская глазная больница, угол Тверской и Мамоновского пер., 63/7. Состоит под покровительством Государя Императора. Прием больных с 9 – 11 утра ежедневно, кроме праздничных дней, с платой 20 копеек за совет и лекарство, бедным бесплатно. В стационарном отделении 104 кровати, из них 95 (60 мужских и 35 женских) в общих палатах и 9 в отдельных. Плата в общих палатах 6 руб. 60 коп. в месяц за кровать, а в отдельных от 3 до 4 руб. в сутки».

При больнице действовала церковь Христа Спасителя исцелившего слепорожденного.

В 1920-е здесь обнаружили таинственный подвал. Спелеолог Игнатий Стеллецкий, участвовавший в экспедиции, отчитывался: «Спустившись, попадаем в идеально квадратный белокаменный мешок без единого луча света. В своде у задней стены два углубления с отверстиями, обтянутыми гончарными трубами и ведущими в верхнее помещение, занимаемое фельдшерницей. Конструкция каземата-мешка своеобразна: пяты белокаменного свода приходятся под самым уровнем пола, в центре свода торчит железный обломок, быть может, от кольца или крюка. Тесаный камень, тщательно пригнанный друг к другу носит следы штукатурки».

Впрочем, работники больницы знали о существовании этого «каземата-мешка» и, более того, хранили в нем капусту.

Информация же «Всей Москвы» о том, что здание больницы располагалось на углу Мамоновского и Тверской – ни в коей мере не ошибка. Оно действительно было именно там. Но в 1940 году во время реконструкции улицы Горького (как тогда называлась Тверская) дом передвинули на запад и развернули на 90 градусов, чтобы он встал фасадом в переулок.

Путеводитель по Москве 1954 года не без гордости писал: «Эта первая в Москве и одна из первых в России глазная больница была организована в 1825 г. Тогда она располагала всего лишь 20 койками. Теперь больница превратилась в огромное лечебное учреждение, одно из крупнейших не только в СССР, но и в Европе.

Больница оснащена новейшими приборами. Имеются прекрасно оборудованные рентгеновский кабинет, физиотерапевтическое и патолого-гистологическое отделения, клинично-диагностическая и бактериологическая лаборатории. Работает кабинет неотложной глазной помощи, в котором круглые сутки дежурят врачи. В больнице широко применяются тканевая терапия, электромагнитные операции для удаления из глаз инородных тел и другие новейшие достижения медицинской науки. Здесь ведется не только лечебная, но и большая научная и педагогическая работа».

Функционирует больница и сегодня.

* * *

Напротив – не менее интересный дом 10.

Первоначально это был Театр миниатюр, которым заправляла некая Мария Александровна Арцыбушева. Александр Вертинский о ней вспоминал: «Марья Александровна была женщина энергичная и волевая, довольно резкая и не лишенная остроумия. Собрав кой-какую труппу, она держала театр, хотя сборы были плохие; актеров приличных не было, костюмов тоже, а о декорациях и думать нечего. В оркестре сидел меланхоличный пианист Попов и аккомпанировал кому угодно, по слуху. Он не выпускал трубки изо рта и ничему не удивлялся. Кроме того, Марья Александровна еще давала уроки балетного искусства. Ученицами ее были молодые, довольно талантливые балерины, не попавшие в Большой театр... Группа эта называлась «Частный балет».

Занимаясь у Марьи Александровны, молодые балерины выступали также и в ее театре – для практики.

Марья Александровна была грозная женщина, за словом в карман не лезла, и я лично боялся ее как огня».

Именно эта дама впервые предложила Вертинскому попробовать себя на театральной сцене, пообещав в качестве гонорара обед из борща и котлет. Вертинский согласился – таково было его безденежье на тот момент. И в результате полностью определилась его дальнейшая судьба.

В этом же театре прошел первый крупный бенефис артиста. Он вспоминал: «Я написал несколько новых песен, заказал себе новый костюм Пьеро – черный вместо белого, и Москва разукрасилась огромными афишами: «Бенефис Вертинского».

Билеты были распроданы за один час, и, хотя в этот день было три сеанса вместо двух, все же публика могла бы напомнить еще пять таких театров. Начался вечер. Москва буквально задарила меня! Все фойе было уставлено цветами и подарками. Большие настольные лампы с фигурами Пьеро, бронзовые письменные приборы, серебряные лавровые венки, духи, кольца-перстни с опалами и сапфирами, вышитые диванные подушки, гравюры, картины, шелковые пижамы, кашне, серебряные портсигары и пр., и пр. Подарки сдавались в контору театра, а цветы ставили в фойе прямо на пол, так что уже публике даже стоять было негде...

После бенефиса, в первом часу ночи, захватив с собой только те цветы, которые были посажены в ящиках: ландыши, гиацинты, розы, сирень в горшках, – я на трех извозчиках поехал домой, в Грузины. Подарки я оставил в театре, а конторе».

Пока он ехал домой, в стране началась революция.

В 1913 году при этом театре решили – после спектаклей, по субботам – открыть кабаре под названием «Розовый фонарь». Начало – ровно в полночь. Деятель культуры Илья Шнейдер вспоминал об открытии: «Для участия в программе были приглашены футуристы во главе с Маяковским и поэт К. Д. Бальмонт.

Молодые футуристы, падкие на экстравагантные и эксцентрические выходки, предложили разрисовывать в антракте лица желающих из публики, о чем сообщалось в афишах...

Успех «Розового фонаря», во всяком случае, предварительный его успех, превзошел все наши ожидания: дорогие по тем временам пятирублевые входные билеты были мгновенно распроданы. К 12 часам ночи начался съезд к театру, у подъезда которого болтался шелковый розовый фонарь. Желавших попасть в кабаре было вдвое больше, чем могло вместить помещение театра миниатюр, из зрительного зала которого были вынесены стулья партера и вместо них установлены столики с лампочками под розовым абажуром на каждом.

Из-за толкотни, установки приставных столиков и запаздывания «гвоздя» программы – футуристов начало задерживалось.

Публика, расположившаяся за столиками, успела уже выпить и закусить. Жара и шум в зале стояли невообразимые. Какие-то молодые саврасы, глотнувшие водки прямо с мороза, уже требовали, чтобы им разрисовали их рожи. Со многих столиков скандировано стучали о тарелки ножами и вилками, требуя начала программы.

Но футуристов все еще не было. Однако из-за усиливающегося шума и стука пришлось дать занавес и начать программу. Она была составлена из некоторых номеров премьеры театра миниатюр и выступлений поэтов. «Миниатюрные» номера никто не слушал, да и артисты не слышали ни своего голоса, ни реплик от все еще усиливающегося шума, в котором все яснее слышались крики:

– Футуристов! Футуристов!»

Пришлось пойти на полумеру: «Чтобы успокоить зал, решили выпустить на сцену другую знаменитость – поэта Бальмонта. Но он уже успел не раз побывать около буфетной стойки и еле вышел на сцену. Бальмонт и всегда-то читал свои стихи довольно тихим голосом, а на этот раз создалось впечатление, что он беззвучно открывает рот. Это еще более раззадорило подвыпившую публику, которая выла, орала и стучала все громче.

Бальмонт, разозлившись, повернулся и ушел. Зал взревел... Дали занавес, затем выпустили какую-то певицу в нарядном белом туалете. На какое-то время наступила относительная тишина.

Вдруг, когда певица добросовестно выводила свои рулады, на ярко освещенную сцену вступил Маяковский и стал пересекать ее крупными и медленными шагами, выбрасывая вперед коленки и дразня всех своей необычной черно-оранжевой блузой.

Зал взорвался... Маяковский шагал. Его высокая фигура почти уже вдвинулась в кулису, когда из зала кто-то взвизгнул:

– Рыжего!

Зал заулюлюкал и подхватил выкрик. Маяковский остановился, повернулся лицом к столикам с розовыми лампочками и галдевшими гостями, затем спокойно прогромыхал тяжелыми башмаками к рампе. Все утихло».

Но Владимир Владимирович имел, что называется, фигу в кармане. Он начал читать не что-нибудь, а свое «первое социально-обличительное» стихотворение «Нате!»:

Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я – бесценных слов мот и транжир.

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
Где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.

Зрители заплатили немалые деньги – и получили такую вот отповедь. Можно представить себе, что за этим последовало: «Маяковский закончил. Публика взвыла. Потом в зал плюхнулось, как огромная жаба, только одно-единственное слово, брошенное Маяковским прямо в раскрасневшиеся, пьяные и злые лица, и тут рухнули с потолка все балки...

По крайней мере, так показалось в первый момент, потому что все в зале взвилось, полетело, зазвенело, завизжало...

Маяковский так же спокойно повернулся и теми же широкими и медленными шагами удалился.

Все кончилось. «Розовый фонарь» потух навсегда. Публика бросилась к вешалкам. А там уже шел скандал между еле стоявшим на ногах Бальмонтом, который держал в руке бутылку сельтерской, и молодыми футуристами. Бальмонт взмахнул бутылкой, какой-то парень с разрисованной щекой вырвал ее у него... Появилась полиция».

Это происшествие вошло в историю Москвы как «розовое мордобитие».

Впоследствии – уже в двадцатые годы – здесь возникло кабаре «Не рыдай». В нем выступали Игорь Ильинский, Рина Зеленая, Михаил Жаров, Сергей Есенин, тот же – кстати говоря – Владимир Маяковский.

Соответствующая литература разъясняет, какие именно спектакли ставились здесь в тридцатые: «Вольные фламандцы», «Тиль Уленшпигель», «Ясно вижу», «Сказки Андерсена», «Сам у себя под стражей», «Гимназисты», «Клад». Идеологически отобранная юношеская романтика.

Стоимость билетов – в духе времени – была стандартная. Ровно по рублю за место.

Здесь же, при Государственном центральном театре юного зрителя, действовал и центральный театр кукол. Названия его спектаклей менее героические – «Поросенок в ванне», «Каштанка», «Пузан». Но и спектакли типа «Джим и Долар», конечно же, присутствовали.

Сегодня здесь Театр юного зрителя.

* * *

Недалеко, по Благовещенскому переулку, дом №1, располагалось Комиссаровское техническое училище. Подобные образовательные учреждения начали открывать по всей стране ближе к концу позапрошлого века – с целью выпускать для многочисленных и множущихся с каждым годом фабрик, заводов и мануфактурных городков, рабочих высокой квалификации. Уровень производства диктовал подобную потребность.

Это училище было построено на средства предпринимателя Петра Ионовича Губонина. А названо оно в честь мещанина Комиссарова, спасшего в 1866 году царя Александра II от террориста Каракозова. Почему-то пользовалось популярностью по большей части среди мещан. Другие же сословия туда особо не стремились.

Путеводитель по Москве 1913 года сообщал: «Комиссаровское техническое училище. Новый классный корпус построен в 1891 – 1892 гг. по проекту и под наблюдением архитектора М. К. Геппенера. В этом трехэтажном корпусе соединены все научные, рисовальные и чертежные классы училища, между тем как мастерские, столовая и актовый зал с церковью и двортуары со всеми хозяйственными помещениями находятся в старых зданиях, соединяющихся со вторым этажом корпуса коридором, над проездными воротами».

Справочник же «Вся Москва» того же времени писал: «Комиссаровское техническое училище, Благовещенский пер., собственный дом. Имеет 7 классов и 1 приготовительный. Ученики приходящие, с платой 125 руб. и 100 руб. в год в приготовительном. При поступлении вносят залог в 10 руб. в обеспечение утрат и порчи имущества. Окончившие пользуются правами окончивших среднее учебное заведение».

Разумеется, здесь была предусмотрена домовая церковь: «Предназначенное для церкви место весьма для нее удобно, ибо устроится выступом, который только с западной стороны будет соединен с остальной частью здания, с восточной же, южной и северной сторон не будет ни каких смежных с церковью комнат. Церковь предполагается устроить в верхнем этаже двухэтажного здания, в нижнем этаже под ней будут спальни и кладовые. Соседственная с церковью комната в верхнем этаже с западной стороны предназначается для чтения лекций. Алтарь будет обращен, как и должно, к востоку».

Один из современников писал об этом храме: «Иконостас ее орехового дерева с резьбой строгого стиля: большие образа принадлежат к школе так называемой фряжской живописи; церковный амвон сделан весь из цельных плит белого итальянского мрамора с инкрустованными в него рисунками мрамора других цветов. Вообще, Кампиони умел удачно соединить строгость характера целого со смягчающими деталями. Непосредственно к церкви примыкает вновь сооруженная актовая зала. Она украшена портретом государя императора и бюстами Гегеля, Крылова и Ломоносова и медальонами, изображающими разные предметы производства школы: в других медальонах намерены поместить портреты главных учредителей школы».

Часть помещений этого училища использовалось под обычные квартиры. Это то и дело получало подтверждение в газетах. В частности, в 1912 году «Столичная молва» писала: «Проживающая в д. Комиссаровского училища, в Благовещенском пер., кр. Татьяна Абрамова заявила, что ее жених Афанасий Шиванов, 27 л., назначив день свадьбы, послал ее на родину за метрическим свидетельством, а сам взял приданое и скрылся».

А в 1911 году газеты сообщали: «При Комиссаровском училище заканчивается постройкой собственная обсерватория. Обсерватория построена на месте вышки, которая до сих пор служила для той же цели. Устройство башни и купола производилось собственными средствами мастерских училища. Для обсерватории приобретена труба одной из лучших фабрик – Рейнфельдера и Гертель в Мюнхене. Имеется в виду предстоящей осенью, когда будет установлена труба, начать астрономические наблюдения и занятия с учениками училища».

Все было устроено, как говорится, по уму.

Главным развлечением «комиссаровцев» были увеселительные представления в саду «Аквариум». Кто был при деньгах, покупал в сад билеты. А малоимущие практиковали несколько другую технологию. Один из здешних слушателей, З. Н. Семов вспоминал: «Со стороны Садовой к Комиссаровке (так для краткости называли наше училище) примыкал летний сад «Аквариум»... В 1905 году училище от сада отделял трехметровой высоты каменный забор, в который были заделаны высокие шесты, обитые досками, а поверх этой надстройки была протянута колючая проволока. Это сооружение было воздвигнуто с целью преградить путь безбилетным посетителям сада «Аквариум» из числа комиссаровцев.

Несмотря на то, что администрация училища закрыла ход на чердак главного корпуса и с двух сторон были обшиты досками железные пожарные лестницы, мы по водосточным трубам попадали на крышу двухэтажного здания мастерских, а оттуда тем же способом забирались на крышу четырехэтажного главного корпуса, и, усевшись рядами, становились бесплатными зрителями эстрадных выступлений на открытой сцене «Аквариума». Из нас вырабатывались хорошие верхолазы по водосточным трубам».

Дело закончилось плачевно. «Московские вести» сообщали в 1907 году: «Вчера в 6 час. утра рухнул летний театр в «Аквариуме» – «Олимпия». Катастрофа вызвана была тем, что обвалилась вся каменная стена-брандмауэр, отделяющая деревянный театр от соседнего вла-

дения Комиссаровского училища. Брандмауэр рухнул на крышу одноэтажного здания театра, и провалил ее вместе с потолком внутрь зрительного зала.

От театра, в полном смысле слова, осталось только воспоминание.

Самое обидное, что низкопробные спектакли этого «Аквариума» явно не стоили подобных рисков.

Несмотря на идеологически выдержанное название училища, комиссаровцы активно присоединились в 1905 году к восставшим. Тот же Семов сообщал: «К моменту объявления всеобщей политической забастовки 7 (20) декабря в дружине Комиссаровского училища было 15 человек и 14 человек в санотряде. Это была молодежь 18 и более лет. Начальником отряда избрали меня, а моим заместителем Павла Смирнова. Санитары были вооружены и выполняли те же обязанности, что и дружинники, когда не было раненых. А при наличии раненых каждые носилки обслуживались тремя санитарами. Имелись случаи нападения черносотенцев на санитаров, подбравших раненых.

В отряде насчитывалось 14 револьверов (главным образом «бульдоги» и «смит-и-вессоны»). Почти все дружинники имели самодельные кинжалы».

Но тогда, в 1905 году революционерам победить не удалось.

Очередной шехтелевский шедевр

Жилой дом (Тверской бульвар, 18) перестроен в 1900-е годы по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля.

Изящный дом с тонкой лепниной явно относится к стилю модерн. Больше того, его автор возглавляет список классиков этого жанра. Это знаменитый Федор Осипович Шехтель. Заказчиком же были знаменитые водочные промышленники Смирновы, продукция которых была в самой популярной (в своем жанре, разумеется) до революции.

Смирновы здесь не только жили, но еще и устраивали художественные выставки. Илья Репин раздражался – он считал, что «буржуазный» стиль этого здания снижает ценность картин, выполненных в жанре критического реализма.

Ранее же на этом месте располагалось владение Базилевских. Оно вошло в историю литературы – в этом доме состоялась последняя встреча Михаила Юрьевича Лермонтова и Варвары Лопухиной.

После революции здесь разместился Московский революционный трибунал, вскоре за ним – Московский областной суд. На одном из его заседаний в 1929 году присутствовал Корней Иванович Чуковский. Он писал об обвиняемых: «Не чувствуется никакой разницы между их психологией и психологией всех окружающих. Страна, где все еще верят бумажкам, а не людям, где под прикрытием высоких лозунгов нередко таится весьма невысокая „мелкобуржуазная“ практика (частнособственническая психология), вся полна такими... как они. Они плоть от плоти нашего быта. Поэтому во всем зале – между ними и публикой – самая интимная связь. Ту же связь ощутил, к сожалению, и я. Оказывается, люди так страшно любят вино, женщин и вообще развлечения, что вот из за этого скучного вздора идут на самые жестокие судебные пытки. Ничего другого кроме женщин, вина, ресторанов и прочей тоски, эти бедные растратчики не добыли. О, какая скука, какая безысходность!»

Во время войны здание было занято под различные госучреждения Украины – отсюда они руководили партизанским движением.

* * *

Рядом – дом №20, тоже памятник архитектуры, только конца XVIII века. Этот дом построен был для генерала А. С. Кологривова в 1823 году. Хозяин был известен как один из замечательнейших московских шалунов. Он мог, к примеру, нарядиться нищенкой-чухонкой и, прогуливаясь в таком костюме по Тверскому бульвару, выпрашивать у своих собственных знакомых – вельмож высшего света – милостыню. Мог заявиться на военный, пресерьезнейший парад в компании ряженных приятелей.

Впрочем, один раз проказа Кологривова вышла ему, как говорится, боком. Михаил Пыляев так описывал эту историю: «Сидя во французском театре он заметил какого-то зрителя, который, как ему показалось, ничего в представлении не понимал. Кологривов вошел с ним в разговор и спросил, понимает ли он по-французски. Незнакомец отвечал «нет».

– Так не угодно ли, чтоб я объяснил вам, что происходит на сцене?

– Сделайте одолжение.

Кологривов стал объяснять и понес страшную чушь. Соседи даже в ложах фыркали от смеха.

Вдруг не знающий французского языка спросил по-французски:

– А теперь объясните мне, зачем вы говорите такой вздор?

Кологривов сконфузился:

– Я не думал, я не знал!

– Вы не знали, что я одной рукой могу вас поднять за шиворот и бросить в ложу к этим дамам, с которыми вы перемигивались?

– Извините!

– Знаете вы, кто я? Я Лукин.

Кологривов обмер.

Лукин был силач легендарный. Подвиги его богатырства невероятны... Вот на кого наткнулся Кологривов.

Лукин встал.

– Встаньте, – сказал он, – идите за мной!

Они пошли к буфету. Лукин заказал два стакана пунша; пунш подали, Лукин подал стакан Кологривову.

– Пейте!

– Не могу, не пью.

– Это не мое дело. Пейте!

Кологривов, захлебываясь, выпил стакан; Лукин залпом опорожнил свой и снова scomандовал два стакана пунша. Кологривов отнекивался и просил пощады; оба стакана были выпиты, а потом еще и еще; на каждого пришлось по восьми; только Лукин как ни в чем не бывало возвратился в свое кресло, а Кологривого мертвецки пьяного отвезли домой».

Это здание, однако же, вошло в историю как дом московского градоначальника (или же обер-полицмейстера). В 1830 году казна приобрела его как раз для этих целей. Именно здесь в 1834 году проходил знаменитый процесс над Александром Герценом и его товарищами. Герцен вспоминал: «из внутренних комнат вышел толстый человек с ленивым и добродушным видом; он бросил портфель с бумагами на стул и послал куда-то жандарма, стоявшего в дверях.

– Вы, верно, – сказал он мне, – по делу Огарева и других молодых людей, недавно взятых? Я подтвердил.

– Слышал я, – продолжал он, – мельком. Странное дело, ничего не понимаю.

– Я сижу две недели в тюрьме по этому делу, да не только ничего не понимаю, но просто не знаю ничего.

– Это-то и прекрасно, – сказал он, пристально посмотревши на меня, – и не знайте ничего. Вы меня простите, а я вам дам совет: вы молоды, у вас еще кровь горяча, хочется поговорить, это – беда; не забудьте же, что вы ничего не знаете, это единственный путь спасения.

Я смотрел на него с удивлением: лицо его не выражало ничего дурного; он догадался и, улыбнувшись, сказал:

– Я сам был студент Московского университета лет двенадцать тому назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.